

Е. А. ГРЕБЕНЬ

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАЦИСТАМИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ (1941—1944 гг.)

В ходе изучения функционирования нацистского оккупационного режима на территории Беларуси экономическая политика оккупационных властей рассматривалась без детализации, что позволило бы воссоздать более полную, объективную картину жизни и быта гражданского населения. Целью статьи является реконструирование регламентации нацистами хозяйственной деятельности населения Беларуси на примере порядка содержания скота. Данный аспект интересен в контексте изучения стратегии выживания гражданского населения Беларуси в годы нацистской оккупации. При написании статьи использовались документы коллаборационной администрации из фондов государственных областных архивов Беларуси.

Немецкая оккупационная администрация ввела жесткую регламентацию порядка содержания скота. Владение скотом означало выполнение в пользу оккупационной власти ряда повинностей и натуральных налогов. В частности, владельцы лошадей должны были выполнять обязательную гужевою повинность, за неисполнение которой угрожал крупный штраф (до 500 руб.). Штрафные санкции, как правило, накладывались автоматически, но могли быть сняты в случае предоставления оправдательного документа о болезни лошади [1, л. 19]. Например, Лунинецкая ветеринарная лечебница 09.02.1943 выдала справку гражданину Матвею О. о том, что кобыла жеребая около 9 месяцев и подлежит освобождению от работ до выжеребки и в течение 14 дней после [2, л. 21]. Масштабы привлечения владельцев коней к гужевой повинности вынуждали последних использовать на работах жеребят, на что обратил внимание начальник Лепельского округа в своем приказе от 18.02.1943. Отмечалось, что на работах используются жеребята в возрасте полутора-двух лет, в результате они калечатся, отстают в развитии и выходят из строя как тягловая сила. Контроль за исполнением приказа возла-

---

Гребень Яўген Аляксандравіч — загадчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

гался на волостных бургомистров, нарушители приказа наказывались [3, л. 30].

В интересах немецкой оккупационной администрации было поддержание конского поголовья на уровне, необходимом для удовлетворения нужд местной экономики. Спрос на тягловую силу возрастал пропорционально увеличению дефицита конского поголовья. В лошадях отчаянно нуждались крестьяне, промышленные предприятия, часть лошадей передавалась владельцами добровольно или конфисковывалась партизанами. Лошади также регулярно реквизировались вермахтом. Все это приводило к снижению конского поголовья. Чтобы минимизировать последствия влияния вышеуказанных факторов, оккупационные власти могли инициировать рациональное использование конского поголовья. Помимо запретов на самовольный убой практиковалась замена лошадей. Например, жеребье кобылы, которые не могли быть использованы вермахтом, предлагались белорусским крестьянам в обмен на хороших лошадей. Чтобы вызвать интерес к такому обмену, крестьянам обещалась выплата премии в размере 5 кг соли и освобождение жеребых кобыл от исполнения гужевой повинности [4, л. 1]. Владельцу лучшей конематки обещалась выдача охранного свидетельства, по которому лошадь не подлежала изъятию [4, л. 14]. То же касалось и владельцев жеребцов [5, л. 23].

Районные земельные управления следили за тем, чтобы в каждой волости были племенные производители по каждой породе скота, не санкционированная продажа или убой которых владельцами или держателями были запрещены. Тереховское районное земельной управление 23.03.1943 обратилось к Тереховскому и Василевичскому волостным бургомистрам с требованием вернуть проданного племенного быка, владелец которого продал его за 30 пудов хлеба в Василевичскую волость, в результате Тереховская волость осталась без производителя [6, л. 15]. В ноябре 1943 г. в Лепельском окружном суде рассматривался иск бургомистра Каменской волости Лепельского района к бывшему старосте общины Бабча гражданину А., который обвинялся в незаконном убое племенного быка, принадлежавшего общине. В исковом заявлении говорилось также, что А. занимался грабежом, совместно с бойцами Службы порядка. Приводя аргументы в

свою защиту, А. представил справку за подписью агронома о том, что бычок был ему выделен в собственность при разделе колхоза, к тому же сам он принимал участие в боевых операциях против партизан, дважды был ими ограблен. Следователь районной полиции счел аргументы волостного бургомистра

более весомыми и принял решение привлечь А. к ответственности за то, что он оставил волость без быка_производителя. Тем не менее в деле отсутствует обвинительное заключение суда, поэтому можно предположить, что бывшему члену коллаборационной администрации, как пострадавшему от партизан, удалось избежать ответственности [7, л. 2—13].

Реквизиции скота вермахтом могли носить как официальный характер, производясь плановым порядком с санкции командования, так и произвольный характер, в виде банального мародерства со стороны отдельных немецких военнослужащих. В Холопеницкую комендатуру 16.10.1943 поступила жалоба от старосты д. Красновка Слободской волости. В ней отмечалось, что накануне около его дома проезжала немецкая автомашина, пассажир и шофер которой выстрелом из винтовки убили и забрали с собой 4_месячного поросенка стоимостью 2000 руб. [8, л. 94]. В ходе официальных реквизиций командиры воинских частей могли выдавать квитанции на забранный скот, обещая позднее выплату компенсации немецкими властями, чего практически никогда не происходило. В Браславском районе волостные старосты жаловались, что при сдаче скота вермахту немцы оплачивают или выдают квитанции о сдаче только на часть скота. По всем волостям района вермахт не уплатил деньги за реквизированных в 1941 г. лошадей. С крестьян в пользу немецких чиновников регулярно происходили поборы. В декабре 1942 г. старшина Дрисвятской волостной управы направил начальнику района донесение, в котором подробно описал бесчинства, творимые зондерфюрером. Перечислялось количество продуктов питания, предоставляемого немецкому чиновнику (7 пудов пшеницы, несколько баранов, 6 литров молока ежедневно), отмечался факт взлома немцем склада с конфискованными у населения радиоприемниками, требование предоставить ему борава к рождественским праздникам (волостной бургомистр потребовал, чтобы боров был засчитан в налог) и, наконец, арест самого старшины, очевидно, переполнивший чашу терпения [9, л. 30, 44]. Реквизиции скота происходили и в 1943—1944 гг., когда фронт вновь проходил по территории Беларуси. Владельцам реквизированного скота могли выдаваться удостоверения, в которых указывалось, что владелец может «при восстановлении нормальных условий жизни получить при помощи германских властей взятый у него скот», и рекомендовалось «бережно хранить» это удостоверение [10, л. 100].

Количество лошадей в крестьянских хозяйствах могло уменьшаться и вследствие добровольной передачи партизанам или реквизиций с их стороны. Относительно действий партизан необходимо отметить, что

достаточно часто в заявлениях крестьян, отчетах волостных старост тер_ мин «конфискация» скота партизанами необходимо рассматривать критически, поскольку часто, даже в случаях добровольной передачи партизанам скота и имущества, документально этот акт оформлялся как насильственные действия со стороны партизан. Об этом свидетельствует и обращение к населению генерального комиссара Беларуси В. Кубе, который отмечал, что очень многие жители содействуют партизанам тем, что отдают им без отпора коней и транспортные средства. В. Кубе предупреждал гражданское население, что подобные действия будут классифицироваться как саботаж [11, л. 18].

По инициативе крайсландвиртов происходило перераспределение лошадей в общинах. Рекомендовалось передавать лошадей тем крестьянам, которые сдали своих последних коров в счет государственных поставок, а также в те хозяйства, в которых есть трудоспособные мужчины, пригодные исполнять гужевую повинность [12, л. 38]. Вся тягловая сила могла быть задействована на срочных работах. Толочинский сельскохозяйственный комендант 18.08.1942 распорядился всех лошадей использовать только на сельскохозяйственных работах (уборка урожая и посев озимых) и угрожал в случае обнаружения в Толочине подвод, приехавших из волостей без пропусков, конфисковывать их [13, л. 39].

В целях полной обработки всех пахотных земель безлошадные крестьянские хозяйства прикреплялись к хозяйствам, в которых были собственные или приписанные общинные кони. Владельцы или держатели лошадей неохотно предоставляли их в пользование своим безлошадным соседям, зачастую требовали с них высокую плату (вопреки указаниям оккупационной администрации) либо вовсе отказывали им в предоставлении тягловой силы. В результате органы местной администрации были буквально завалены прошениями и жалобами безлошадных крестьян на своих односельчан. Интересна практика борьбы с подобными злоупотреблениями в Полоцком районе. Районный агроном 18.05.1943 потребовал от волостных бургомистров бороться с хозяевами, «занимающимися рвачеством», которые за прокат лошадей собирали с односельчан по 1000—1500 руб. или по пуду хлеба, и приказывал передавать лошадей от таких крестьян другим хозяевам [14, л. 40].

Тяговая сила могла быть как реквизирована вермахтом, так и взята во временное пользование (часто вместе с телегами и возницами). Районные сельскохозяйственные руководители проводили мониторинг, требуя от волостных старост сообщать обо всех таких случаях [5, л. 8]. Иногда, в случае выплаты денег за реквизированных вермахтом лоша-

дей, деньги выдавались на руки держателям, получившим скот из общины. Немецкие власти особо подчеркивали, что такие лошади являются собственностью общины, соответственно уплаченные суммы должны передаваться не гражданам, а общинам [15, л. 16].

Падение конского поголовья угрожало срыву сбора военного сельскохозяйственного налога, ставило под удар обеспечение за счет бело русских крестьян вермахта, поэтому крайсландвирты рекомендовали безлошадным крестьянам взамен использовать коров для хождения в упряжке. Крайсландвирт Могилевского района рекомендовал крестьянам еще до начала посевной кампании приучать коров к хождению в упряжке, а крестьянам, которые выполняют такие рекомендации, обещалась премия солью [4, л. 14]. То же видим и на примере Москаленятской волости Городокского района, где районным земельным управлением коровы выдавались крестьянам с тем условием, чтобы их обучили для работы в упряжке. При этом крестьяне обязывались сдавать не менее литра молока ежедневно на сливочные пункты или маслозавод. Сельские общины также обязывались заготовить определенное количество сена, подлежащее сдаче, которое запрещалось расходовать на свои нужды как собственность немецкого командования (о чем руководители общин представляли расписку) [16, л. 76]. В приказе по Городокскому районному земельному управлению от 17.05.1943 отмечалось, что хозяйства, не имеющие лошадей, не должны в перспективе надеяться получить лошадей даже во временное пользование, поэтому необходимо обучение коров к ходьбе в упряжке [17, л. 10].

Некоторые граждане смогли приобрести скот во время боевых действий летом 1941 г. В случае, если не удавалось угнать колхозный скот на восток, животных могли раздавать крестьянам. У крестьян также могли оказаться оставленные советскими или немецкими воинскими частями раненые или заболевшие лошади. Оккупационная администрация рассматривала таких лошадей как имущество, принадлежащее германскому государству, временно находящееся в пользовании гражданского населения, и стремилась взять их на учет под угрозой конфискации [18, л. 42]. Гомельская полевая комендатура 25.10.1941 издала распоряжение об обязательной регистрации лошадей, оставленных воинскими частями. Держателям таких лошадей, которые не регистрируются к 10.11.1941, угрожала ответственность по военным законам как за растрату имущества немецкого военного командования [19, л. 1]. Граждане также приобретали скот у евреев перед их отправкой в гетто. В таких случаях такой скот рассматривался немецкими властями как

незаконно приобретенный, а содержащие его граждане как временные держатели, у которых его могли забрать при первой же необходимости (выполнение очередных мясопоставок, наделение скотом лиц, лояльных оккупационной администрации). В г. Бобруйске в марте 1942 г. был зафиксирован 31 житель, который, по мнению городской управы, имел незаконно приобретенный скот [20, л. 79—80]. В Минском округе генерального округа Беларусь население практиковало поездки в западные районы Беларуси за покупкой коней и хлеба [21, л. 138].

В ходе массовой эвакуации населения во время отступления немецких войск в Беларуси скопились массы граждан, принудительно перемещенных немцами из западных областей России и восточных регионов Беларуси. Если эвакуация проходила запланированно и население о ней оповещалось заранее, некоторые граждане успевали взять с собой скот. Однако во время долгого пути на запад для многих эвакуированных домашние животные становились обузой (возникали проблемы с фуражом, уходом) либо возникала нужда в получении средств для покупки продовольствия, поэтому некоторые граждане продавали скот местным жителям, которые таким образом получали неожиданную возможность легального его приобретения. Так, 25.10.1943 житель Горецкого района гражданин К. Никифор заключил договор с эвакуированным из д. Троица Сафроновского района гражданином Тимофеем С., проживающим в д. Замощье Александрийской волости. Последний продал коня 12 лет за 10 пудов жита и 10 пудов ячменя. Договор визирировался старостой деревни и Александрийским волостным управлением, после чего начальник Шкловского района 21.06.1944 санкционировал выдачу покупателю паспорта на лошадь [22, л. 1, 1 об.].

Тяглые животные подлежали обязательному страхованию. В Глубокском гебитскомиссариате на основании утвержденного гебитскомиссаром Устава от 11.02.1943 была упорядочена система страхования. Страховая сумма устанавливалась в размере 100 РМ на одного коня с ежегодной выплатой страхового платежа 7 РМ плюс гербовый сбор в размере 5 % от всех платежей. Отсчет времени вступления в силу страхования велся с 01.01.1943. Исключение составляли кони, принадлежащие военным структурам, и кони моложе 2 лет. Страховой отдел районной управы доводил систему страхования до сведения волостных управ и сельских старост и требовал составления специальных страховых реестров к 01.03.1943 [23, л. 36].

Учитывая, что документы о выплате страховок владельцам коней встречаются крайне редко, обязательное страхование можно рассматривать как косвенный налог.

Закрепление лошадей за несколькими крестьянскими хозяйствами одновременно вызывало массу конфликтов. Часто крестьяне-владельцы или держатели лошадей (за которыми числились общинные лошади) отказывались предоставлять тягловую силу односельчанам, которые не могли обработать свои наделы. В результате органы местной администрации были завалены жалобами крестьян, которым отказали в праве пользования лошадьми. Оккупационные власти рассматривали такие случаи как удар по выполнению военного сбора, поэтому требовали от коллаборационной администрации принятия суровых мер. Приказом начальника Могилевского района от 21.09.1943 за невыполнение распоряжения старосты о предоставлении лошадей для полевых работ безлошадным хозяйствам четверо жителей д. Маковня были приговорены к принудительным работам на торфозаводе «Гребенево» на 15 суток, а лошади на это время передавались безлошадным крестьянам [24, л. 13]. За аналогичный проступок двое жителей д. Солтановка-1 были приговорены к 10 суткам ареста с передачей их лошадей в безлошадные хозяйства [24, л. 15].

Владельцы коров были обязаны сдавать государству определенное количество молока или молокопродуктов. В Тереховском районе распоряжением районного земельного управления с 01.01.1942 была введена обязательная сдача молока от коровы в размере 110 литров в год при жирности 3,9 %. Хозяйства рабочих и служащих до особого распоряжения от сдачи освобождались. Устанавливался план сдачи в течение года: январь — 2 %, февраль — 3 %, март — 5 %, апрель — 7 %, май — 10 %, июнь — 20 %, июль — 20 %, август — 13 %, сентябрь — 10 %, октябрь — 5 %, ноябрь — 3 %, декабрь — 2 %. Местным властям предписывалось провести проверку дойных коров. Для приема молока в районе организовывались 9 пунктов. Ежедневно заведующие сливных или сепараторных пунктов осуществляли учет молока, передавая суммарные данные волостному старшине. Далее все молоко ежедневно к 17.00 доставлялось на Тереховский маслозавод. В случае порчи молока в результате несвоевременной доставки виновные должны были покрыть убыток в пятикратном размере, испорченные продукты в общий объем поставок не засчитывались [25, л. 11, 11 об.]. В Дриссенском районе с 01.04 по 01.08.1943 требовалось сдавать по 550 литров молока под угрозой наказания в виде конфискации коровы [26, л. 9]. От поставок молока освобождались только владельцы тельных коров до момента отела [27, л. 63].

Указание в официальных документах жирности сдаваемого молока объяснялось естественным стремлением владельцев коров минимизи-

ровать объем сдаваемого оккупационной администрации молока. Приходилось вести постоянную борьбу с держателями коров, которые разбавляли молоко водой. Например, бургомистр г. Добруша в своем приказе от 29.05.1942 констатировал, что при проверке в лаборатории сдаваемого молока выяснилось, что 10 граждан разбавляли его водой, в результате чего жирность колебалась от 0,4 до 1,2 % при требуемых 3 %. Подобные действия были расценены как саботаж, и начальнику полиции было приказано изъять у этих граждан коров. Остальные горожане еще раз предупреждались об ответственности [28 л. 35].

В Могилеве в марте 1943 г. началась кампания по выявлению владельцев коров, не выполнивших норм сдачи молока за 1942 г. и не получивших книжки на сдачу молока за 1943 г. Городской бургомистр поручил начальнику полиции по специальному списку оповестить (под роспись) граждан о необходимости получения на молокозаводе книжек на 1943 г. и регулярной сдаче молока в текущем году. На момент начала кампании таковых лиц насчитывалось около 30 чел.; недоимки за 1942 г. составляли от 10 до 261 литра [29, л. 62—65, 68, 73].

Стимулом для сдачи молока служила мера в виде изъятия коров. У граждан, не сдавших молоко, коровы могли быть конфискованы в первую очередь. Несдача молока могла повлечь конфискацию коров не только у рядовых граждан, но даже и у полицейских. На совещании начальников отделов Осиповичского окружного управления и начальников районов от 05.08.1943 была озвучена информация, что крайсландвирт Стародорожского района отбирает коров у семей полицейских. Было отмечено, что целесообразнее конфисковывать коров в деревнях, подконтрольных партизанам [30, л. 44—45].

Крестьяне, державшие домашнюю птицу, сдавали яйца и мясо птицы. Владельцы домашней птицы обязывались сдавать определенное количество яиц. В 1942 г. крестьяне Полоцкого района обязывались сдавать в течение сезона по 30 яиц от курицы за плату 5 руб. за десяток или по 10 руб. от племенных кур [31, л. 75]. Кроме обязательных налогов могли быть и единовременные поборы. Полоцкая районная управа 11.04.1944 обратилась через деревенских старост к населению с просьбой собрать к празднику Пасхи яйца для детдомовцев, чтобы «и им дать возможность почувствовать праздник святой Пасхи» [32, л. 23].

При наложении контингента сдачи мяса оккупационную администрацию интересовало в первую очередь получение всего объема контингента, поэтому применялся гибкий принцип замены. В Тереховском районе, в случае если крестьянское хозяйство не могло выполнить по-

ставки на мясо коров, разрешалась сдача телят общим весом 250 кг, или свиней весом 100—150 кг, или поросят общим весом 150 кг [25, л. 26]. В первый год оккупации практиковалась сдача на мясо коров, выданных крестьянам из общинного (колхозного) стада [33, л. 151].

Плановое изъятие скота в рамках выполнения контингента сдачи мяса и доставка его на мясокомбинаты, базы Заготскот и т. д. наталкивались на сопротивление владельцев. Бургомистр г. Могилева в своем распоряжении от 06.01.1943 требовал от начальника полиции изымать скот насильственным порядком [29, л. 1]. Распоряжение бургомистра дублировало присланное ему накануне распоряжение сельскохозяйственной комендатуры [29, л. 4]. Выполнение мясопоставок вызывало конфликты между крестьянами. Некоторые малоимущие граждане считали, что община могла бы выполнить контингент за счет скота более состоятельных односельчан. Так, осенью 1942 г. на имя начальника Тереховского районного земельного отдела поступило заявление жительницы д. Тереховка гражданки А., которая просила отменить сдачу коровы, павшей от укуса бешеной собаки, и указывала семьи, где можно было изымать скот безболезненно [34, л. 9, 13, 13 об.].

Для рационального использования ограниченного поголовья скота оккупационные власти практиковали обмен сдаваемых на мясо или конфискованных у евреев полноценных животных на остающихся у крестьян животных, имеющих изъяны. Практиковался обмен коров, нетельных или не дающих молока. Для проведения обмена в Осиповичском районе граждане подавали прошения в отдел заготовки районной управы. В случае положительного решения крестьяне оповещались, когда и куда явиться для обмена [35, л. 1,2,5,18]. Одно из таких заявлений заслуживает особого внимания. Осиповичская районная управа дала официальный ответ гражданке Ч. с копией на Замошское сельское управление, отказав ей в обмене. Гражданка ранее обратилась в районную управу с прошением обменять козу на корову, что возмутило чиновников местной администрации: «И где Вы найдете человека глупее себя, чтобы сделать такой обмен? А к тому же коллектив (сельская община. — Е. Г.) — это не зверинец, чтобы подбирать различные виды животных. Оставайтесь пока при своей козе, а коллектив пусть продолжает смотреть за коровами» [36, л. 34].

Изъятие скота служило мерой наказания гражданского населения за действия партизан. Так, после убийства партизанами полицейского карательный отряд ГФП провел изъятие скота у крестьян д. Слободка Брожской волости Бобруйского района, причем конфискация затронула

даже семьи полицейских или граждан, чьи родственники уехали в Германию. Неоднократные ходатайства Бобруйской районной управы перед комендатурой о возврате скота гражданам, не связанным с партизанами, не возымели действия, начальнику района было заявлено, что наказанием наложено на всю деревню сразу независимо от вины тех или иных лиц, о чем предлагалось известить граждан, подавших жалобы [37, л. 3,4,6,10]. Факт изъятия скота вермахтом или партизанами многие крестьяне использовали при сдаче оккупационным властям продналога. Например, жительница Евлаховской волости Толочинского района гражданка А. в ноябре 1942 г. апеллировала к волостной администрации с просьбой снизить продналог на основании того, что еще летом 1941 г. вермахтом была взята свинья весом 6 пудов [38, л. 30, 30 об.].

Периодически оккупационные власти проводили масштабную перепись скота и птицы. На каждую общину заводился специальный лист переписи, в котором подробно фиксировались весь скот и птица в каждом крестьянском хозяйстве. Например, в генеральном округе Беларусь перепись прошла 31.01.1943 [39, л. 4]. На основании распоряжения рейхскомиссариата Остланда от 15.12.1943 перепись скота и птицы в генеральном округе Беларусь был проведен 15.01.1944. Контроль за организацией и проведением переписи возлагался на окружных комиссаров. За сокрытие или предоставление ложных данных угрожало тюремное заключение до 3 месяцев и денежный штраф [39, л. 114—115]. Перепись скота и птицы проводилась и на территории тыловой зоны группы армий «Центр». Полоцкая районная управа требовала от руководителей общин к 25.07.1943 произвести перепись скота под угрозой его конфискации, а также обязывала крестьян сообщать бургомистру и райуправлению о рождении молодняка в двухнедельный срок [40, л. 90]. Сельскохозяйственный комендант Толочинского района требовал предоставления сведений о весе каждой свиньи [18, л. 51]. Естественно, что крестьяне в массовом порядке пытались уменьшить количество скота и птицы, подаваемое в официальной статистике. Например, крайсландвирт Могилевского района в письме к волостным бургомистрам от 05.05.1944 констатировал, что при проверке результатов переписи выяснилось, что многие хозяева уменьшили количество птицы в 2—3 раза. В результате волости были оштрафованы на 50 кур каждая, причем тяжесть выплаты штрафа перекадывалась на деревни, которые предоставили ложные сведения [4, л. 15].

В случае смерти скота составлялся специальный акт за подписью ветеринарного врача (фельдшера), старосты общины и свидетелей, в

котором указывалась причина смерти. Документ давал местной администрации возможность удостовериться в том, что не был произведен самовольный убой, контролировать распределение мяса, а также служил основанием для выплаты страховки. Для получения страховки крестьяне составляли на имя начальника района прошение. 10.01.1943 на имя начальника Малоритского района гражданина Герасима К., в котором содержалась просьба выплатить страховку за умершего коня, отмечалось, что хозяйство в 15 га земли и 8 душ семьи осталось без тягловой силы [41, л. 25]. На территории рейхскомиссариата Украина использовались специальные бланки «Акт страти тварини», в которых содержались следующие данные: сведения о владельце, в чьем пользовании находилось животное на момент смерти, порода, масть и возраст животного, номер паспорта (для коней), состояние упитанности животного, виноват ли владелец в смерти животного, причина смерти, если животное было дорезано, то с чьего разрешения, что сделано с мясом, на какую сумму было застраховано и рыночная стоимость на момент смерти, свидетельство страхового инспектора об уплате страховки и резолюция гебитскомиссара относительно страховой выплаты [41, л. 62, 62 об.].

В Новогрудском округе для получения разрешения на убой своих домашних животных выдавалась специальная карточка стоимостью 10 руб., в которой содержалась завизированная бургомистром информация о крестьянине: сколько земли, количество членов семьи, скота в хозяйстве. Далее в документе шла аннотация весовщика, который фиксировал вес животного, отправляемого на убой, аннотация начальника района, который решал, отдать хозяину всю тушу животного или часть мяса или сала продать районному магистрату, и, наконец, разрешение на убой от районного сельскохозяйственного руководителя. После убоя животного карточка передавалась в продовольственный отдел управы [42, л. 3, 6]. Помимо акта крестьянам выдавалась справка ветеринарного участка относительно причины смерти животного и как распорядиться тушей. Осиповичский ветеринарный участок в феврале 1942 г. выдал гражданке Анне Б. справку о том, что мясо зарезанной по причине болезни коровы пригодно в пищу при условии быстрой реализации и проварки мяса [43, л. 48]. Акт составлялся также для того, чтобы оправдать несанкционированный убой животного. Например, 14.12.1941 начальник Зборского сельского управления Осиповичского района в присутствии полицейского составил акт о том, что гражданин общины Александр Ч. зарезал свинью без разрешения по причине болезни [43, л. 62]. В акте фельдшера Осиповичской районной ветлечебницы от 10.02.1942

констатировалась гибель свиньи, убитой коровой во время отела [845, 1, 82, л. 49]. Акты должны были оправдать владельцев погибших или умерших животных перед оккупационной администрацией.

Оккупационные власти крайне негативно относились к фактам убоя на мясо молодняка. Начальник Копыльского района в письме к волостным старшинам категорически запрещал убой молодняка под угрозой конфискации коров у таких хозяев и передачи их другим крестьянам [44, л. 117]. Также озвучивалось требование сдачи в счет госпоставок свиней весом не менее 100 кг. Такую же картину видим и на примере Клецкой районной управы. В распоряжении начальника района от 29.05.1942 кроме традиционного требования забирать коров у хозяев, не сдавших молоко, отмечалось, что сдача телят нежелательна, но допускается сдача на мясо четырех телят вместо одной коровы [45, л. 2]. Сельскохозяйственный комендант Толочинского района угрожал смертной казнью за несанкционированный убой скота. Вынужденный убой заболевших животных разрешался только при наличии справки коменданта или ветеринара, в ином случае также грозило наказание [18, л. 51]. Однако уже в самом начале оккупации коллаборационная администрация констатировала, что случаи самовольного убоя молодняка имеют место, обещая изъять скот у владельцев или держателей [31, л. 57].

В случае несанкционированного убоя скота крестьяне пытались легализовать этот факт и избежать штрафных санкций. Например, житель д. Заостровечье Клецкого района гражданин Р. получил справку, в которой волостная управа подтверждала его бедственное положение (семья 5 душ, конь и свинья издохли, овечку волк забрал), подтверждая необходимость разрешить ему использовать часть мяса убитой им коровы. Аналогичную справку гражданин получил и от БНС, которая ходатайствовала, чтобы Р. разрешили распорядиться мясом, часть которого он сможет продать и купить другую корову [1539, 1, 3, л. 80—82]. В другом случае сельскохозяйственному коменданту Клецкого района поступила просьба от жителя д. Мицковичи У., который просил отдать ему мясо от зарезанной по причине болезни коровы: «Прашу аддаць мяса за частку якога куплю кароўку і хоць на гадавое свята з'ямо кусочак мяса». Бедственное положение подтверждали староста и руководитель ячейки БНС [46, л. 131—132].

Для городского и в меньшей степени сельского населения существовала проблема выпаса домашнего скота. Коммунальные власти констатировали, что многие горожане пасут скот на улицах и в парках, порою этот скот заходил на посевы. Бургомистр г. Добруша своим приказом от

03.06.1942 запретил выпас скота на территории города, распорядился забирать пасущихся в запрещенных местах животных и штрафовать владельцев до 500 руб. Контроль за исполнением данного распоряжения возлагался на полицию и отдел благоустройства городской управы [28, л. 40]. Та же информация содержалась и в приказе от 18.06.1942, в котором также запрещался выпас животных в одиночку, вне городского стада [28, л. 43]. 05.05.1943 вышел приказ бургомистра г. Могилева, в котором запрещалось пасти скот на луговых угодьях в черте города и в канавах вдоль трактовых дорог на основных выездах. Полиции предписывалось штрафовать нарушителей распоряжения до 1 тыс. руб., а при повторном нарушении конфисковывать скот [47, л. 3]. Аналогичное распоряжение было издано в г. Глусске 29.03.1943. До сведения горожан доводилось, что в случае пастбы скота на улицах лошади и коровы будут конфискованы, а свиньи расстреляны (!) на месте, а владельцы скота оштрафованы до 500 руб. [48, л. 103]. Пастба скота могла запрещаться и на заливных лугах, которые могли использоваться как сенокосные угодья, как, например, в Дриссенском районе весной 1943 г. Захваченный на заливных лугах скот рассматривался как бесхозный и подлежал сдаче на государственные скотобойни [26, л. 12]. Произвольный выпас в лесу также не разрешался. В приказе Богушевского районного управления сообщалось о введении штрафа (50 руб.) для лиц, нарушающих данное правило, а в случае невыплаты штрафа конфискации скота [49, л. 128]. На шестерых жителей д. Красная Буда Тереховского района 13.05.1943 был составлен акт о том, что они систематически пасли скот на общинном клевере [50, л. 15].

Выпас скота часто производился нанятыми общиной пастухами. Между общиной и гражданином, нанимаемым для выпаса скота, заключался договор. Староста Поддобржанского сельского общества и гражданин М. 18.04.1942 заключили договор, по которому за голову пасущегося скота полагалась оплата по 30 фунтов ржи и по пуду картофеля за корову, по 15 фунтов ржи и 20 фунтов картофеля за козу. Расчет производился в течение пастбищного сезона [51, л. 58].

Часто принадлежность скота становилась предметом рассмотрения мировых судов. В случае несогласия с судебным вердиктом граждане подавали апелляции, которые рассматривал бургомистр. Постановления бургомистра Могилева по таким апелляциям интересны в плане иллюстрации повседневности периода оккупации на примере владения скотом. 09.06.1943 бургомистр Могилева рассмотрел жалобу гражданина Матвея Б. на решение мирового суда, обязавшего его возвратить ко-

рову гражданке Пелагее Б., сестре жалобщика и истице. В ходе судебного разбирательства выяснилось, что истица ранее временно передала корову брату, опасаясь санкций за несдачу молока (молоко не сдавала якобы из-за болезни коровы ящуром). Ответчик заявил, что корова была ему продана за 1000 руб. и 12 пудов зерна, крупы и муки. Свидетели показали, что истица получила от ответчика часть продуктов. Бургомистр, принимая во внимание странность поведения истицы, получившей оплату, а потом попытавшейся аннулировать сделку, решение мирового суда не утвердил и отправил дело на исследование [52, л. 13—14]. Дело интересно тем, что конфликт происходил между родственниками. Очевидно, владение коровой как залог выживания в суровые годы оккупации стало выше родственных чувств. Интересна и жалоба гражданки Анны Я. на решение суда, присудившего передачу лошади транспортному отделу городского управления. Выяснилось, что спорная лошадь была получена истицей от еврея в 1941 г., что евреи были ограничены в праве распоряжаться своим имуществом, а значит, лошадь не могла рассматриваться как ее собственность [52, л. 33].

Иногда домашние животные, оставленные без присмотра, могли совершать потравы на полях или огородах граждан. Добрушский мировой суд 20.09.1942 принял к рассмотрению жалобу гражданина Ефима А. на соседа, лошадь которого зашла к нему в усадьбу и съела 25 кочанов капусты весом 90 кг и разбила 4 полукадки овса весом 50 кг. О происшествии был составлен акт, подписанный тремя свидетелями, лошадь отведена в сарай к потерпевшему. Суд постановил взыскать с истца в пользу ответчика 25 кочанов капусты или 500 руб., судебную пошлину 50 руб., в требовании о компенсации за овес отказать [53, л. 1, 2, 8—10].

Таким образом, введенный оккупационной администрацией порядок содержания скота ограничил владельцев в праве распоряжаться своим имуществом, фактически превратив их во временных держателей до момента конфискации скота немцами. В условиях военной разрухи, тотального дефицита продовольствия и тягловой силы подобная регламентация ставила многих граждан на грань выживания, а любые попытки нарушения существующих правил жестко карались оккупантами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Могилевской области (далее — ГАМГО). Ф. 260. Оп. 1. Д. 47.
2. Государственный архив Брестской области (далее — ГАБО). Ф. 2149. Оп.1. Д. 31.
3. Государственный архив Витебской области (далее — ГАВО). Ф. 2088. Оп.1. Д. 6.
4. ГАМГО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 17.

5. Государственный архив Гомельской области (далее — ГАГО). Ф. 1336. Оп. 1. Д. 25.
6. ГАБО. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 5.
7. ГАВО. Ф. 2091. Оп. 1. Д. 1.
8. Государственный архив Минской области (далее — ГАМО). Ф. 1039. Оп. 1. Д. 100.
9. ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 10.
10. ГАМГО. Ф. 866. Оп. 2. Д. 1.
11. ГАМО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 22.
12. ГАМГО. Ф. 845. Оп. 3. Д. 3.
13. ГАВО. Ф. 2077. Оп. 1. Д. 4.
14. ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАВО. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 6.
16. ГАВО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 9.
17. ГАВО. Ф. 2086. Оп. 1. Д. 8.
18. ГАВО. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 16.
19. ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1.
20. ГАМГО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 98.
21. ГАМО. Ф. 681. Оп. 1. Д. 4.
22. ГАМГО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 16.
23. ГАВО. Ф. 2840. Оп. 1. Д. 1.
24. ГАМГО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23.
25. ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 2.
26. ГАВО. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 2.
27. ГАВО. Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1.
28. ГАГО. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 2.
29. ГАМГО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26.
30. ГАМО. Ф. 1604. Оп. 2. Д. 3.
31. ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 2.
32. ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 4.
33. ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1.
34. ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 4.
35. ГАМГО. Ф. 845. Оп. 1. Д. 390.
36. ГАМГО. Ф. 845. Оп. 3. Д. 2.
37. ГАМГО. Ф. 859. Оп. 1. Д. 59.
38. ГАВО. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 12.
39. ГАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 48.
40. ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 3.
41. ГАБО. Ф. 192. Оп. 1. Д. 29.
42. Государственный архив Гродненской области. Ф. 610. Оп. 1. Д. 28.
43. ГАМГО. Ф. 845. Оп. 1. Д. 82.
44. ГАМО. Ф. 1607. Оп. 1. Д. 8.
45. ГАМО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 44.
46. ГАМО. Ф. 1539. Оп. 1. Д. 3.
47. ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 79.
48. ГАМО. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 7.
49. ГАВО. Ф. 2087. Оп. 2. Д. 1.
50. ГАГО. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 22.
51. ГАГО. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 1.
52. ГАМГО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 60.
53. ГАГО. Ф. 1320. Оп. 1. Д. 32.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 16 снежня 2009 г.